

КОНКУРС

Наши лауреаты

ПОДВЕДЕНЫ итоги конкурса «ММ», посвященного 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, – «Великая Победа».

Писем на конкурс в редакцию поступило около двух сотен. К сожалению, опубликованы не все, и не только по причине дефицита газетной площади: конкурсная комиссия подходила к рецензированию читательской почты весьма тщательно. Те, что еще не увидели свет, но приняты к печати, будут опубликованы на страницах «ММ» в дальнейшем.

Комиссия подвела итоги конкурса «Великая Победа», изучив всю читательскую почту. Называем имена лауреатов: Тамара СОКОЛОВА («Я помню, будто было все вчера»), Оксана ЛУКИНА («Письмо в май 45-го»), Лидия НИКИТИНА («Время потерь и радостей»), Александр КОВТОНЮК («Вспоминаем поименно»), Хаириса БИБАРСОВА («Из блокнота отца»), Борис МОЛЛЕР («Остался в письмах и памяти»), Вера ЕФРЕМОВА («Под знаменем дивизии»), Петр ХОМУТИНИН («Знойное лето 43-го»).

Приятно отметить, что в числе лауреатов немало школьников: Григорий ФЕДОРИН («Этого не забыть»), Анастасия САПОЖНИКОВА («С осколком у сердца»), Маргарита ОСИПОВА («Свои отметины у ветеранов»), Мария ИВАНЕНКО («Погиб при исполнении»), Кристина ЗОЛИНА («Гвардеец тыла»), Евгения ТУМАНОВСКАЯ («Сын полка»).

Поздравляем победителей и ждем их 29 июня в 16.00 в редакции газеты «Магнитогорский металл» по адресу: пр. Ленина, 124/1.

Тыл и фронт

МОЕГО ПРАДЕДУШКУ Лукерина Ивана Николаевича призвали в Красную Армию в 1942 году. Попа в полевую разведку, много раз выполнял задания командования в тылу врага. Дважды был легко ранен, один раз тяжело контужен.

Свой боевой путь он закончил в Будапеште. За время боевых действий награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги»... Вернулся с войны в звании старшины.

Он не любил говорить о войне, но иногда по вечерам рассказывал моему папе некоторые истории, произошедшие с ним на фронте.

Одну из историй папа рассказал мне. Однажды разведывательная группа прадедушки попала в засаду. Тяжелый бой длился недолго. Прадеда контужило взорвавшейся гранатой, он потерял сознание, был взят в плен. По дороге бежал, заколов ножом конвоира, и вернулся через линию фронта к своим.

Моя прабабушка во время войны работала на Чебаркульском заводе, эвакуированном из города Электросталь Московской области, выпускала шины и запасные части для самолетов.

Так они и ковали Победу: один на фронте, а другая – в тылу.

ЛЮДИЛА ХАРАХОРИНА,
школа № 10

Спасибо за небо

МНОГО ЛЕТ прошло с той страшной войны 1941–1945 годов. Я знаю о ней только по рассказам моих родителей.

Мой прадед Ковальчук Петр Антонович защищал Родину с первых дней – прошел на своем танке от Москвы до Берлина. Несколько раз был ранен, лечился в госпитале, снова возвращался к своему боевому экипажу. Жаль, что прадед не дождал до наших дней: ведь он мог бы мне все рассказать.

Моя прабабушка Ковальчук Елена Петровна всю войну была в Магнитогорске. Воспитывала мою бабушку и еще пятерых детей. Тяжелые годы пережили все они. Бабушка рассказывала, как помогали взрослым, кололи дрова, сажали и собирали картошку. Но какие счастье и радость переполняли сердце каждого в тот день, когда объявили о победе нашей армии.

Прадед еще несколько лет служил, потом вернулся домой и работал механиком. Мою бабушку и всех детей они вырастили, дали им образование.

Много лет наша страна живет в мире. Благодаря нашим прадедам мы не знаем, что такое голод и разруха. Спасибо им за чистое небо над головой.

СЕРГЕЙ ТРУФАНОВ,
школа № 10

Это надо живым

ЧТО ТАКОЕ война? Думаю, нет на планете человека, который бы не задумывался над этим. Великая Отечественная навсегда оставила неизгладимые раны в сердце нашего народа, беда затронула каждую семью. Не обошла стороной и мою.

Расскажу, какая участь постигла мою бабушку. В 1941 году, когда началась война, отец бабушки Семен Алексеевич уходит на фронт, оставив жену с пятерыми детьми на руках. В то время бабушке исполнилось всего пять лет. Со слезами она вспоминает, как вся семья ждала с нетерпением писем от отца, с болью говорит о тех тяжелых днях голода и ужаса. Но этот голод просто ничто по сравнению с тем, как однажды апрельским утром 1943 года их семья узнала о смерти отца. Он героически пал в ходе кровопролитного противостояния на Белорусском фронте.

Война всегда несправедлива, особенно к тем, кто погиб. Но подвиг их помнить надо. «Вспомним всех поименно, сердцем вспомним своим. Это нужно не мертвым. Это надо живым...»

АНДРЕЙ МИРОНОВ,
школа № 10

Маршал литературы

В своем творчестве он отделил пропаганду от реальной жизни

В ВОСКРЕСЕНЬЕ из подмосковного Переделкина позвонил Николай Павлович Воронов:

– «Магнитогорский металл» не забыл про столетний юбилей Александра Трифоновича Твардовского?

– Не забыл, Николай Павлович. Вот сижу, обложился книгами Твардовского и литературой, написанной о нем, дочитываю «Новомирский дневник», подготовленный его дочерьми Валентиной и Ольгой, готовлю материал о богатейшей русской поэзии и великом редакторе, – отвечаю.

– В «Дневнике» есть строки и обо мне, – напомнил Воронов.

– Читал, Николай Павлович, читал...

О том, какую роль сыграл Твардовский в творческой судьбе нашего выдающегося земляка, Николай Воронов рассказывает в своей «Истине о самом себе...», которая публикуется в «Читальном зале» «ММ» по субботам.

Какая чудесная удаля

Твардовский родился в самый долгий, самый светлый день в году. Большое впечатление произвело на него семейное предание, что мать родила его в пору сенокоса, прямо под елью, стоявшей на опушке, а соседка, принявшая роды, доставила домой, облепленного хвоей.

И не были эти в обиду мне слухи,
Что я из-под елки и всякие толки, –
Зато, как тогда утверждали старухи,
Таких, из-под елки, не трогают волки...

В этом шутовском стихотворении Твардовский говорил, что разные «волки» не однажды подбирались к нему:

Едят, но недаром же я из-под елки,
Отнюдь не сказать, чтобы так-таки съели.

Подлинную славу ему принесла поэма «Василий Теркин», которую сравнили с «Войной и миром» Льва Толстого и о которой восхищенно отзывался Иван Бунин:

– Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык – ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова.

А вот встречавшийся с Твардовским в 1957 году Никита Хрущев, видимо, «Теркина» совсем не читал. Он больше вспоминал не строки или эпизоды из книги, а образ Теркина с картины художника, изображавшей его на отдыхе среди восторженно слушающих бойцов и по распоряжению Сталина повешенной в Кремле.

Властитель поколения

Олег Табаков, народный артист СССР, художественный руководитель МХТ имени Чехова, самый известный исполнитель «Василия Теркина», убежден, что это книга, развенчивающая мифы о войне. По его мнению, ошибаться насчет качества или душевных свойств этой поэмы присуще было не только критикам с лампасами или без них. Даже Анна Ахматова ошибалась, говоря об этой лирике пренебрежительно и скептически. А лиричнее о войне ничего нет.

«В «Василии Теркине» нет имен Ленина, Сталина, – отмечает Табаков. – Но самое важное в том, что Твардовский отделил пропаганду от реальной жизни. То есть он эту поэму санировал, очистил от пропагандистского мусора, который загроузили в наши мозги с редкой настойчивостью. Он написал про человека. Про мемуарию его отчаянных и смелых поступков. В конечном итоге, говоря высоким стилем, про мотивацию подвига русского народа».

«Воздействие личности Твардовского на окружающих его людей было огромным и очевидным, он был притягателен уже по одному тому, что хотел жить по правде и не скрывал этого желания, в то время как большинство людей его скрывало, не зная, где правда, а где – неправда», – писал Сергей Залыгин.

«Он был собирателем литературы. Высочайший. Авторитетнейший судья. Властитель поколения», – это высказывание Федора Абрамова.

Твардовский открыл читателя Александра Солженицына, Федора Абрамова, Василия Быкова, Чингиза Айтматова, Сергея Залыгина, Бориса Можжева, Юрия Трифонова, Владимира Тендрякова, Георгия Владимова.

Владимир Лакшин, отвечавший в «Новом мире» за литературную критику, в мемуарах с упоением рассказывает о редакторском стиле Твардовского. Ему чудны были меткие придиришки, исходящие из редакторских опасений, выскивание подтекста. Он с текстом имел дело, и ему важно было общее впечатление и направление повести или статьи. Главное – правдиво или неправдиво, добавляет ли что-то существенное к пониманию вещей или нет. И наконец – как написано – умельным пером или «плотничьим карандашом»?

Правил он, и обычно неопровержимо, приблизительные, случайно подвернувшиеся словечки. Особенно был придирчив к описаниям природы, крестьянского обихода, фронтового быта, того, что сам знал до точки. Владимиру Лакшину особенно запомнился пример с Чингизом Айтматовым, в повести которого была фраза: «Крепкие, как топором обтесанные, скирды...» Казалось бы, недурно сказано. Но Твардовский правит в верстке: «Гладкие, как гребнем очесанные, скирды...» Как точно и бережно замена. Не нарушил даже ритм фразы, а образ стал правдивее, точнее.

Укорял «Капитанской дочкой»

Твардовский умел восхищаться чужой работой. Гордился, когда отыскивал в рукописном потоке что-то талантливое и дельное. Восхищался удачными фразами: «перекрученными березками», мелькнувшими где-то у Тендрякова, или подробностью боя у Василия Быкова, когда вместе с землею «сыпануло в окоп горечь отстрелянных вонючих гильз». Какая сжатая сила выражений!

Символом совершенной прозы Твардовский считал пушкинскую «Капитанскую дочку». Если кого-то из авторов хотел укорить, говорил: «Да он «Капитанской дочкой» не читал».

Любимую им тему о достоинстве повествовательной авторской речи энергично развивал он в разговоре с Николаем Вороновым о его рукописи «Юность в Железнодорожье».

– Есть детское, литкружковское правило: «показ, а не рассказ». Но нужен и рассказ, нужна свобода авторского изложения. Не о том речь, чтобы воспарять в философские многозначительные рассуждения. Это редкость, когда писатель имеет право себе позволить сказать: «Двенадцатого июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» и т. п. (А. Т. любил цитировать этот зачин третьего тома «Войны и мира» как образец открытой и величавой авторской речи.) Я считаю тяжким грехом прозы – изложение обстоятельств действия в диалогах. Вместо того чтобы сказать: «Он подвезжал к городу, когда

Великий поэт XX века

Александр Трифонович Твардовский – великий русский поэт XX века (с годами это становится все очевиднее). Лауреат трех Сталинских (1941, 1946, 1947), Ленинской (1961) и Государственной (1971) премий СССР. Родился в 1910 году в семье деревенского кузнеца на Смоленщине. Самое известное произведение – написанная в годы Великой Отечественной войны поэма «Василий Теркин». Дважды (в 1950–1954 и 1958–1970 г.) возглавлял журнал «Новый мир». Во время второго редакторства журнала стал символом антисталинского курса общественной мысли, здесь публиковались самые яркие и острые произведения советской литературы. В итоге в 1970-м Твардовский был снят с должности. Это (и предшествовавшая долгая, мучительная борьба за журнал) ускорило его уход из жизни в 1971 году.

под ним пала лошадь», вы даете две страницы диалога: «Кто там скачет?», «А на чем?» и т. п.

По словам Лакшина, Твардовский оценил правдивость и новизну материала Воронова – жизнь тылового приуральского города военных лет. «Прекрасно описана эта зашляпанная, с битым стеклом земля, по которой трудно ходить босиком, эти базары, очереди, толкучки, воришки, бараки и проч.»

– О трудовой жизни писать надо так, чтобы читать было нетрудно, – говорил Твардовский Воронову. – Иной раз материал вас захлестывает. Хорошо, когда такой подбор материала, но нужен и водослив. Бывает, автор отдается вдохновенно, благодарному свойству памяти и желанию все запечатлеть, а энергия рассказа потеряна.

А. Т. неизменно стоял за скромность жанровых определений. И Воронову, как многим другим, настоятельно советовал убрать из подзаголовка слово «роман».

– Пусть читатель скажет: «Смотрите, названо «хроника», а в сущности, настоящий роман». Это куда лучше, чем если будут говорить: «Какой же это роман? Скорее уж хроника...»

Вперед был Солженицын

Твардовский любил приходить в журнал, обещанный связкой кулленных, теплых еще баранок: «Будем чай пить». Плохих писателей звал «четыреглазками». «Рыба такая, – объяснял, – обитает на глубине и пользуется там одной парой глаз. Но кормится в верхних слоях, где пользуется еще другой парой глаз». А когда появлялись таланты, говорил: «Сегодня у нас в гостях Литература». Но сколько открытий было отвергнуто цензурой?! «Сняты» Цветаева. Снят роман Камо «Ума», – перечислял в дневнике. – Похвалю Тендрякова «Находка». Снят «Театральный роман» Булгакова». И – запись: «Цензор говорит, что у него инфаркт будет». Конечно, инфаркт! По четыре раза сдавали в набор рукописи. Но и Камо, и Булгакова пробьет. Правда, тогда и запишет: «Храбрость, это ни когда ничего не боишься и уверен в результатах, а когда знаешь, что дело наверняка безнадежно... и все-таки идешь».

Его вьюны, как в 1930-х, пытались «приручить». Награждали и тут же обвиняли в безыдейности, в «идеологическом вывихе». «То повесть орден – давай говори правду, а то возмущается: ах, ты на самом деле правду?» Хотя все было хуже. Просто власть, давно не верящая ни во что, иезуитски эксплуатировала как раз тех, может, лучших, кто еще верил в какие-то идеалы,

в социализм «с человеческим лицом». И из этой веры, из ломовой прямоты его и, уж конечно, из поэтического авторитета еще можно было извлечь «пользу». Вот почему в январе 1959-го, уже во второй «приход» в журнал, его выберут делегатом XXI съезда, в марте – депутатом Верховного Совета, а в июне 1960-го наградят вторым орденом Ленина. Но «прирученный» с трибуны съезда заявить, что «солгать, извернуться, притвориться в искусстве так же трудно, как в любви». А в дневнике уже тогда запишет: «Отпустите меня, дайте собраться с мыслями. Задал срок – до июня, а там: не ждите меня обратно». И ушел бы. Но – впереди был Солженицын.

Отношения между Твардовским, как редактором «Нового мира», и защищаемым им от гнева властей Солженицыным осложнились еще и тем, что в КГБ, прослушивавшем разговоры Солженицына, знали о его убеждениях и настроениях куда больше, чем Твардовский. Однажды в разговоре со своим литературным «крестником» (именно благодаря Твардовскому и его «Новому миру» состоялась дебют Солженицына в литературе – «Один день Ивана Денисовича») Твардовский обижено воскликнул: «Я за вас голову подставляю, а вы!..» Но ведь и сам Солженицын признавал, рассказывая об этой вспышке: «Да и можно его понять: ведь я ему не открылся, вся сеть моих замыслов, расчетов, ходов была скрыта от него и проступала неожиданно».

Тем не менее, когда в конце 1970 года Солженицыну присудили Нобелевскую премию, уже смертельно больной Твардовский был этому рад и сказал жене: «А ведь и нас вспомнят, как мы за него стояли. И мы – богатыри».

Три войны подполковника Твардовского

В биографии подполковника Александра Твардовского было три войны: финская, Великая Отечественная и самая трудная, как он писал в дневнике, война за правду, когда возглавил журнал «Новый мир».

В «Вестнике российской литературы» Николай Воронов сравнил его с маршалом Жуковым и назвал маршалом советской литературы, не проигравшим ни одной войны. «Твардовский защищал нас от ГУЛАГА, от ужаса

нео сталинизма, защищал души поколений», – скажет поэт Константин Кедров.

Это противостояние стоило ему поста главного редактора. А вскоре появилось стихотворение, которое заканчивалось так: «Еще и впрямь мне будет трудно, но чтобы страшно – никогда».

Накануне 100-летия Твардовского в молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей» вышла биография поэта, написанная Андреем Турковым, одним из старейших отечественных критиков, лично много общавшимся с Александром Трифоновичем.

Автор пишет, что судьба «Нового мира» очень похожа на судьбу некрасовского «Современника» и «Отечественных записок» Салтыкова-Щедрина. Для тех это тоже было любимое детище. Когда закрыли постановлением четырех царских министров «Отечественные записки», Щедрин писал: такое ощущение, что у меня опечатали душу. И друзья Щедрина обсуждали в переписке, как он будет жить без журнала. Ну, тот прожил еще несколько лет, а Твардовский сгорел. Была просто травма. И «детель ленинского типа», как именovali Брежнев, не смог его принять и не ответил на его последнее отчаянное и в то же время высокое письмо, когда он пишет: то, что происходит с «Новым миром», будет воспринято как проявление сталинизма.

Старший коллега по советской литературе Константин Федин уговаривал его смириться с властью и отказаться от того же Солженицына. «Умирать будем», – сказал Твардовский.

Не ценим нашей славы

– К сожалению, мы, русские, не ценим нашей славы, и Твардовского мы не ценим, – говорит Андрей Турков. – Уже школьники рассматривают Великую Отечественную войну, как Вторую Пулицевскую, где-то в античном мире. А ведь это не просто история, это судьба каждой нашей семьи. Встречаясь с ними, рассказывая, читаешь стихи – задевает. Вообще, очень похоже на то, как смотрят, сколько у ветерана на груди орденов, а нашавки за ранения не замечают...

Я обратил внимание, что в дни юбилея Победы, когда по радио и телевидению читали стихи фронтовых поэтов, автора «Теркина» среди них не было. Не оказалось Твардовского и среди внесших вклад в дело Победы деятелей культуры, портреты которых были размещены у Большого театра – места встречи фронтовиков. А ведь письма, потоком поступающие поэту, свидетельствуют, что «Книга про бойца» помогала им воевать. Они называли ее «спасительной», освобождающей от страха. Автор с полным правом в конце войны писал: «Сколько душам была я нужен, // Без которых нет меня...»

Дочери Твардовского переживают: с предубиленной подготовкой в стране опоздали. Не последуют с памятником в Москве. Скульпторы с ними не советовались, вышло по принципу «берите, что дают». Двенадцатитомное собрание сочинений «зависло» – денег нет, кризис.

Была идея мемориальной доски на здании «Нового мира» – зарубили: мол, есть доска на доме, где жил, вторая не положена. Но Твардовский – великий поэт. Никого же не смущает, что особой табличкой отмечен любой дом, где бывал Пушкин! Мероприятия в Москве ограничатся, по сути, вечером-концертом в Центральном доме литераторов.

Эталон гражданина

Правда, широкие торжества идут на Смоленщине – родине поэта. В провинциальных вузах проходят интересные научные конференции. Местные ученые активно исследуют Твардовского. Не забыли великого поэта и в Магнитке – литературные вечера, посвященные его жизни и творчеству, пройдут во всех библиотеках города. Может, закономерно, что он в глубине востребованнее, чем в столицах?

Сегодня для большинства молодых Твардовский – это просто имя из учебника. Масштаб и значения фигуры «богатыря русской литературы» «человека «нового мира» они не понимают. Но для того юбилей и отмечают, чтобы новое поколение осознало, на плечах каких титанов оно стоит.

Порадовало заявление министра культуры России Александра Авдеева во вчерашнем номере «Известий»:

– Необходимо не только читать, а и изучать его жизнь. Это выдающийся поэт – но это еще и гражданин. В тот период вообще тяжело было быть гражданином, правда? Казалось бы, мы строим гражданское общество, а вот таких подвижников – мало. Твардовский все свои лучшие гражданские чувства выражал и в стихах, и в личностных поступках как поэт и редактор «Нового мира». Его гражданская деятельность является эталонной...»

С мнением министра, подчеркнувшего, в чем сегодня актуален Твардовский, нельзя не согласиться. ☺

Подготовила
СТАНИСЛАВ РУХМАЛЕВ,
член-корреспондент Академии литературы России